

ем убеждения он стремился подчеркнуть важную функцию истинных утверждений (высказываний) для обоснования индивидуальных программ действия, раскрыть роль знания в процессе формирования убеждений.

В 80-х годах содержание научных исследований проблемы убеждения еще более расширяется. Д. Виттих и Б. Окун различают научное, теоретическое мировоззрение и житейское (обыденное) сознание¹. Они пытаются раскрыть взаимосвязи между научным диалектико-материалистическим мировоззрением и убеждениями человека, показать влияние марксистско-ленинской теории на формирование как научного мировоззрения, так и социалистических убеждений.

Марксистско-ленинская теория, справедливо считают авторы, является теоретической основой научного мировоззрения, социалистических убеждений. Поэтому для каждого человека социалистического общества важно не только знать теоретические положения марксизма-ленинизма, но и руководствоваться ими в практической, трудовой деятельности. Однако влияние марксистско-ленинского учения не ограничивается сферой научного мировоззрения. Оно распространяется и на житейское (обыденное) сознание. Поэтому задачи марксистско-ленинской пропаганды, образования должны быть направлены на то, чтобы обыденное сознание развивалось, становилось все более научным.

Таким образом, краткий обзор научных исследований, посвященных проблематике убеждений, дает основание заключить, что ученые Германской Демократической Республики ведут интенсивные и разнообразные научные исследования. Они бесспорно окажут положительное влияние на развитие социалистического сознания трудящихся, будут способствовать торжеству социалистической идеологии в ГДР.

¹ Звиглянич В. А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категории видимости и сущности.— Киев, 1980, с. 8.

² См.: Herrmann A. Zu den Begriffen Überzeugung und Einstellung.— In: DZfPh, 1973, H. 10, S. 1263.

³ См.: Okun B. Überzeugung-Studien zur Erkenntnistheorie-Überzeugung. Zum Begriff und zur Herausbildung von Überzeugungen.— Berlin, 1978, S. 13.

⁴ См.: Wittich D. Der Marxismus-Leninismus als theoretische und praktizierte Weltanschauung.— In: DZfPh, 1979, H. 10; Okun B. Marxistisch-leninistische Theorie und weltanschauliches Bewußtsein — In: DZfPh, 1983, H. 4.

В. И. КАРАВКИН

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ПРЕКРАСНОМ В ПРИРОДЕ

Известно, что природе у Гегеля явно не повезло. Она для него не высшее, не истинное, не прекрасное, а лишь инобытие высшего, прекрасного. «...Природа заключает в себе абсолютную идею, но она есть идея в форме положенного абсолютным духом инобытия духа; поэтому мы и называем ее сотворенной. Ее истиной является само полагающее начало—дух в его идеальности и отрицательности»¹. «Природа» Гегеля—это как бы следствие и результат логической операции, но не формально-логической, а диалектической. В этом-то диалектическом подходе—истинности того положительного, что приходится на долю отвергаемой Гегелем природы. Все существующие в природе неодушевленные тела, по Гегелю, существуют не сами по себе, не как тела, обладающие самостоятельностью, а как тела, своей субстанцией имеющие понятие, которое, чтобы дать им существование, погружается в объективность. Таким образом, понятие, погружаясь в объективность, становится неодушевленным, переходит в чувственную материальность. Эта неодушевленность, чувственная материальность характеризуется особенностью, единичностью тел, имеющих механические и физические свойства. Но хотя каждое тело обладает особенной самостоятельностью, оно входит в систему тел. Понятие составляет все самостоятельные, особенные тела объединиться в одну систему. Тот факт, что природа представляет собой сложную, диалектически противоречивую систему, где каждый единичный элемент представляет собой часть целого, интерпретируется Гегелем как фактическое доказательство того, что понятие присутствует в телах и является их движущей силой. «Лишь этот третий способ проявления природы представляет собой форму существования идеи, и идея в ее природном существовании есть жизнь. Мертвая, неорганическая природа несоразмерна идее,

и лишь живая, органическая природа является ее действительностью» (127). Жизнь представляет собой единство, тождество души и тела. Это единство души внутри самого тела обнаруживается как чувство. Именно потому, что органическая природа содержит в себе душу, она есть нечто высшее по отношению к неорганической природе. Но это высшее, жизнь, существует в тождестве противоположностей, в борьбе и преодолении противоречий между идеальным, духовным и реальным, телесным. Непосредственное диалектическое противоборство между идеальным и реальным и «составляет непрерывный процесс жизни, а жизнь существует лишь как процесс» (129). Жизненный процесс есть деятельность двоякого рода: как чувственность и как идеальность. Чувственность, по Гегелю, сопрягается с телесным началом организма. Идеальность представляет животворящее начало. Члены организма действуют, пока существует скрепляющая их душа. Поэтому телесность существует отрицательным образом, как явление, являющаяся реальность. Душа носит внутренний, идеальный, утвердительный характер. Она обнаруживает себя тем, что выступает в телесности. «Это идеализм жизненного начала. Ибо не только философия идеалистична, а уже сама природа в качестве жизни делает фактически то же самое, что совершает в своей духовной области идеалистическая философия», — делает дорогой сердцу идеалиста вывод Гегель (129—130).

После того, как в самой природе обнаружено идеальное начало, для Гегеля есть все основания рассматривать ее как «прекрасное». «С одной стороны, он считает, что прекрасное в природе не может быть предметом анализа в науке эстетике. С другой стороны, Гегель все же подвергает разбору прекрасное в природе, которое, согласно ему, опять-таки имеет источником идею»².

Чувственное, единичное, реальное — прекрасно, так как это форма идеи. Но красота в природе, любые живые существа прекрасны не сами по себе, а для человека. Поэтому, для того чтобы понять, в чем сущность красоты природы, необходимо прежде всего выяснить, почему, в результате каких причин природа представляется прекрасной человеку. Этим Гегель указывает на глубокую диалектику объекта и субъекта эстетического отношения. Если бы это положение великого немецкого философа было вовремя усвоено, не возникло бы спора в советской эстетике между так называемыми «природниками» и «общественниками». Гегель, решая задачу прекрасного в природе, тут же поясняет: вне человека эту задачу решить вообще невозможно; объективные свойства природы, которые делают ее прекрасной, сами по себе являются лишь потенциальными; становятся актуальными они только тогда, когда к ним «прикасается» человек. Однако не все, к чему человек «прикасается», прекрасно. Следовательно, необходимо выяснить, какая именно связь человека с природой рождает прекрасное. По Гегелю, ни чувственное созерцание единичных, случайных, произвольных явлений, ни рассудочное рассмотрение сущности этих явлений не делают их для нас прекрасными. «Красота может быть выражена лишь в облике, как том единственном явлении, в котором объективный идеализм жизненного начала делается предметом восприятия для нас как субъектов, чувственно созерцающих и рассматривающих предметы» (134). «Облик» не может быть постигнут рассудком, так же, как не может быть воспринят лишь чувственно. Но чувства и мышление диалектически связаны между собой.

«Не остается ничего другого, кроме того, что предмет существует для внешнего чувства, и в качестве подлинного способа рассмотрения прекрасного в природе мы получаем чувственно осмысленное (sinnvoll) созерцание природной формы. «Sinn» есть именно то чудесное слово, которое само употребляется в двух противоположных значениях. Оно обозначает: во-первых, органы непосредственного восприятия, но, кроме того, мы называем «sinn» значение, мысль вообще. С одной стороны, «sinn» соотносится с непосредственно внешним аспектом существования, с другой — с внутренней сущностью этого существования» (138). Итак, человек способен чувственно осмысливать действительность, что и позволяет ему потенциально прекрасную природу делать актуально прекрасной.

Рассмотрев субъект эстетических отношений, Гегель переходит к исследованию объекта, к описанию тех свойств природы, которые делают ее объектом эстетического наслаждения, оговариваясь, правда, что такое рассмотрение является следствием неудовлетворенности природной красотой. Верно уловив глубокую диалектику объекта и субъекта, Гегель подчеркивает, что лишь абстрактно, отрываясь от действительного единства,

можно говорить отдельно об объекте прекрасного. Сам по себе вне субъекта объект, в данном контексте — природа, не может быть ни прекрасным, ни безобразным.

Отвлечемся от того, что даже специально характеризуя прекрасное в природе, идеалист Гегель постоянно принижает ее красоту. Посмотрим, какие качества, свойства, аспекты природы, абстрагируясь, Гегель называет потенциально красивыми. Он различает две, находящиеся в диалектическом единстве, стороны красоты природы. Это «красота абстрактной формы» и «красота абстрактного единства чувственного материала». Когда Гегель говорит о красоте формы, он характеризует различные формы и фигуры внешнего, геометрического строения тел, причем ведет изложение от наиболее простого структурного строения тела к сложному: правильность, гармоничность. Характеризуя красоту чувственного материала, Гегель указывает на те свойства тел, которые не зависят от его геометрического строения, от его формообразующих элементов, а непосредственно воздействуют на наши органы чувств: цвет, звук.

Наиболее простой формой красоты в природе Гегель считает «правильность». Правильность — это внешнее тождество, одинаковое повторение одной и той же фигуры, дающее единство формы предметов. Куб, приводит пример Гегель, правильное тело, ибо со всех сторон он обладает одинаковыми по величине поверхностями, имеет одинаковые линии и углы. С правильностью тесно связана симметрия. В симметрии одинаковая форма не просто повторяется, а приводится в одной связи с другой формой того же вида. Так, у человека симметрично расположены уши, глаза, руки, ноги. Обе формы, как правильность, так и симметрия, представляют собой «определенность величины», которая безразлична к качественной определенности предмета. Примеры правильности и симметрии можно найти как в неживой природе (минералы), так и в органической (растения, животные, человек). На более высокой ступени красоты абстрактной формы, чем правильность и симметрия, находится «закономерность». Закономерность характеризуется Гегелем как переход к свободе природной и духовной жизни, но это еще не сама свобода, а именно переход к ней. «Здесь имеет место качественное отношение между различными сторонами, которое не является ни абстрактным повторением одной и той же определенности, ни равномерной сменой одинакового и неодинакового, а представляет собой одновременное совмещение существенно различных сторон» (148). Если две одинаковые параллельные линии образуют правильность, то эллипс и парабола обнаруживают закономерность. Закономерность является тем началом, которое устанавливает не только различия, но и их единство.

Еще более высокую ступень занимает гармония, которая является не простым единством, а согласованностью качественных различий. Мы можем наблюдать гармоническое сочетание цветов, музыкальных тонов, движение разнообразных фигур и т. д. Хотя гармония во внешней красоте абстрактной формы является высшей ступенью и уже приближается к субъективной свободе, она все же не выражает духовности, идеальности.

Второй аспект красоты природы связан не с формой, а с материальным, чувственным как таковым. Самым существенным здесь является «абстрактная чистота материала». Гладкая поверхность, чистота звуковых тонов, несмешанные цвета — вот примеры красоты как абстрактного единства чувственного материала. Данному аспекту Гегель уделяет очень мало места.

На доказательство неудовлетворенности прекрасным в природе Гегель не жалеет слов. Правомерный вопрос об отличии красоты в природе от красоты в искусстве трансформируется им в вопрос, почему красота в природе несовершенна и в чем проявляется это несовершенство. То, что только такая постановка вопроса является правомерной, для немецкого идеалиста бесспорно, потому что идея прекрасного адекватна не красоте в природе, а красоте в искусстве.

Общую характеристику учения Гегеля о прекрасном в природе можно дать такую же, которую дает В. И. Ленин «Науке логики» немецкого мыслителя: «в этом **самом идеалистическом** произведении Гегеля **всего меньше** идеализма, **всего больше** материализма. «Противоречиво», но факт!»³ Идеалист Гегель отрицает прекрасное в природе. Гегель-диалектик вскрывает глубинные основания существования красоты природы. Идеалист Гегель рассматривает природу как инобытие идеала, прекрасного. Гегель-диалектик восхищается ее красо-

тою, видит бытие, сущность прекрасного в природе в воздействии на чувства и мысли человека внутренне присущих ей качеств. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что в самой идеалистической, консервативной части эстетической теории Гегеля «всего меньше идеализма, всего больше материализма». Вопрос об эстетических свойствах природы, эстетическом отношении к природе является одним из основных фундаментальных вопросов марксистско-ленинской эстетики. «Понятия «эстетика природы» и «эстетическое отношение к природе» отражают определенные аспекты отношений общества к окружающей действительности и носят мировоззренческий характер. Эти категории органически связаны с областью эстетической культуры, составляющей существенную часть духовной жизни общества»⁴. Обращение к учению о прекрасном в природе одного из величайших мыслителей прошлого, чье творчество послужило одним из источников философии марксизма, поможет в поисках ответа на актуальные вопросы о сущности эстетического отношения к природе.

¹ Гегель. Эстетика.— М., 1968, т. 1, с. 100. В дальнейшем в тексте статьи (в скобках) указываются страницы этого издания.

² Овсянников М. Ф. Теория эстетической мысли.— М., 1984, с. 253—254.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.

⁴ Апресян Г. З. Эстетическое отношение к природе в социалистическом обществе.— М., 1981, с. 3.